

ПОЭЗИЯ И ПОЛИТИКА В «ЭНЕИДЕ» ВЕРГИЛИЯ

1. МИФ И ИСТОРИЯ

Знаменитая поэма Вергилия создавалась, как известно, незадолго до Акциумской битвы, в годы формирования принципата, и она не может быть понята вне основных событий римской истории, свидетелем которых был Вергилий. Сам центральный конфликт поэмы может быть объяснен только исходя из опыта римлянина эпохи гражданской войны. Этот конфликт, как показал известный исследователь «Энеиды» В. Пёшль, развертывается между силами хаоса и порядка, между гармонией и неумеренностью страстей в душе человека, между войной и миром¹. Распространенная, и особенно характерная для русского вергилиеведения, точка зрения на Вергилия как на певца Августовского принципата, заслуживает при современном состоянии исследований некоторого пересмотра. Ее адептами были еще ученые XVIII в., наивно полагавшие, что поэт призывал римлян к подчинению власти Августа². В настоящее время появились работы, авторы которых отстаивают прямо противоположную точку зрения, настаивая на враждебности автора «Энеиды» принципату или, во всяком случае, на изменении отношения Вергилия к Августу уже в процессе написания самой поэмы. Они исходят при этом из анализа образа Энея в последних книгах «Энеиды»³. Разнойой во мнениях, борьба прямо противоположных точек зрения среди зарубежных ученых свидетельствует о трудности окончательного решения этого вопроса.

А. Мишель в статье «Вергилий и императорская политика: придворный и философ»⁴ настаивает на том, что Вергилий прежде всего великий искатель истины, а отнюдь не придворный, сгибающийся в раболепном поклоне. И действительно, «Энеида» отнюдь не политический манифест, а поэма, в которой Вергилий вступает в соревнование с самим Гомером. Он хочет показать, что история Италии и Рима не менее героична и не менее человечески значительна, чем скитания Одиссея и битва за Троию. Миф об Энее выбирается поэтом не только потому, что от Иула ведет свою родословную род Юлиев, но главным образом из-за того, что с Энеем было связано формирование Рима как некоего государственного и человеческого

¹ Pöschl V. Die Dichtkunst Virgils. Wien, 1964, S. 31—35.

² Abbé Vauvry. Discours sur la fable d'Eneïde. P., 1753. Точка зрения русских ученых представлена в кн.: Машкин Н. А. Принципат Августа. М.— Л., 1949, с. 57.

³ Perret J. Optimisme et tragédie dans l'Eneïde.— REL, 1967, p. 342.

⁴ Michel A. Virgile et la politique impériale.— Vergiliana. Leiden, 1971, p. 212.

ского идеала. Идеал этот находит свое окончательное воплощение в Августовском Риме, всегда показываемом Вергилием в отдаленной исторической перспективе. Каждый раз эта перспектива открывается Энею в критические периоды его деятельности, и демонстрируемое ему будущее должно скорректировать то настоящее, в котором он живет и действует.

В отличие от линейного развертывания событий в основной части «Энеиды» с его отчетливым делением на ряд чередующихся эпизодов, разделенных следующими друг за другом ночами и днями, будущая история Рима каждый раз показана лишь в основных неподвижных чертах, в обобщенном и концентрированном виде. Это различие двух типов повествования и разная организация в них художественного времени позволили Бриссону выдвинуть положение об историческом и мифологическом времени в «Энеиде», причем мифологический материал подается с использованием исторического времени, а исторический — мифологического⁵.

Принципиальный и важнейший вопрос, на который прежде всего должен ответить исследователь, состоит в том, насколько соответствует реальности тот идеальный период, который фигурирует в «Энеиде» как время Августовского принциата. Несомненно, что так же, как в образе Энея дается идеальный образ государственного деятеля, который должен служить примером для подражания и самому Августу, так и время его правления во многих отношениях для Вергилия только идеал, требующий воплощения. Современность у Вергилия замыкает повествование и как бы принимает в себя его глобальные линии, демонстрируя конечные результаты в итоговых картинах и символических образах. При этом современности приписываются мифологические черты, она венчает, как в сказке, благополучным концом многие трагические перипетии основной части. Из современной действительности поэт отбирает материал осторожно и, как Август в *Res gestae*, избегает прямых упоминаний о недавних исторических событиях, но вместе с тем в завуалированной форме трагические эпизоды гражданских войн все время включаются в изложение, заставляя читателя проводить аналогии между мифологическим прошлым и своей современностью. Поэма становится актуальной, но эта актуальность особого рода, она дает богатый материал для общечеловеческих наблюдений и выводов, далеко выходящих за рамки простой злободневности.

М. М. Покровский в свое время убедительно показал, что весь рассказ о гибели Трои во второй книге полон живыми деталями, взятыми из недавней истории: Улисс в изображении Синона напоминает трибуна последних лет республики, а сам Синон похож на хитрых демагогов-ораторов, играющих на настроении толпы⁶. В боевых эпизодах также много актуальных штрихов, напоминающих читателям о времени гражданских войн и проскрипций. Мысли М. М. Покровского могут быть подкреплены в наши дни и дополнительными наблюдениями. У Вергилия Пирр убивает Полита на глазах у старца Приама (II, 526—535). Такого рода убийства детей на глазах родителей постоянно происходили, по свидетельству Аппиана (В. с. IV, 18, 42), в дни гражданских войн, и это доказывало глубокую деградацию нравов в республиканском Риме. Самого Приама Пирр не просто убивает, а обезглавливает. Это прием, к которому часто прибегали и во время проскрипций, когда головы убитых служили доказательством расправы с врагами. Вергилий с глубоким сочувствием изображает

⁵ *Brisson J. Temps historiques et temps mythique dans L'Enéide.*— *Ibid.*, p. 56—70.

⁶ *Pokrowsky M. L'Enéide de Virgile et l'histoire Romaine.*— *REL*, V, 1927, p. 172—177.

гибель Приама и сопровождает рисуемую картину скорбным рассуждением: «Таков был конец Приама, такой исход был ему назначен судьбой, ему, видевшему пожар и падение Трои, некогда гордому правителю столяких народов и земель Азии. Лежит на берегу недвижная громада, отрубленная голова и тело без имени». Так же в недавнем прошлом был обезглавлен посланными Птоломеем убийцами Помпей. Его тело, по свидетельству Аппиана, было кем-то погребено, над ним был насыпан холм и поставлен камень с эпитафией: «Маленький холм покрывает здесь того, кто владел храмами». «Таков был конец Помпея,— пишет Аппиан,— . . . а он был назван Великим и никем до этого не был побежден, но с юности был непобедим и счастлив» (II, 86).

Картина, парисованная Вергилием, несомненно должна была возбудить скорбные воспоминания о недавнем прошлом у его читателей. Проперций пишет без обиняков, что Рим никогда не смоег позора смерти Помпея (III, 11, 35—36), а битву при Филиппах называет *civilia busta* (II, 1, 270). Отношение Вергилия к истории Рима и принципату наиболее открыто выражено в четырех значительных эпизодах поэмы: в речи Юпитера в первой книге (I, 254—296), в изображении Тартара и смотра душ в шестой (VI, 580—627; 755—886) и при описании щита Энея в восьмой книге (VIII, 629—731).

В первой книге, отвечая на взволнованную речь Венеры, Юпитер рисует ей отдаленную историческую перспективу, обещая конечное торжество дела Энея. Он высказывает и важную для всей концепции поэмы мысль о том, что римское государство возникнет из слияния здоровой италийской основы с высоконравственным и высокоорганизованным троянским началом (I, 257—296). Будущему Риму правитель богов обещает неограниченную во времени и пространстве власть. В это время во главе государства станут правители из рода Юлиев, и при них прекратятся губительные войны и *Furor impius*, подстрекавший италийские народы к войне с Энеем, будет наконец закован в цепи. Именно этим символическим образом злобно скрежещущей кровавым ртом Ярости, со связанными за спиной руками, заканчивается в будущем история Рима. Обуздание демона войны и сам Август считал одним из своих важнейших деяний. Изображение этого демона, напоминающего образ, нарисованный Вергилием, стояло в Риме на форуме Августа⁷. Интересно, что правители из рода Юлиев следуют у Вергилия за альбанскими царями и Ромулом, минуя период Республики. В принципате Вергилий видит продолжение лучших сторон единодержавия, опирающегося на сенат.

Исторический материал по-своему интерпретирован и в знаменитой VI книге. Именно здесь показано, как Эней навсегда прощается с троянским кругом героев, приобщаясь к судьбе своих италийских потомков. Он знакомится и с участью страдальцев Тартара, среди которых находятся и деятели недавнего прошлого. Уже Э. Норден в своем известном комментарии к шестой книге «Энеиды» обратил внимание на острую романизацию мифологического материала⁸. Действительно, рядом с титанами, Алоидами, лапифами, Титием и Салмонеем в Тартаре томятся смертные, враждовавшие со своими братьями, патроны, обманывавшие клиентов, участники нечестивых войн, предававшие своих хозяев (В. с. VI, 580—625). Мотив восстания брата на брата используют Катулл и Лукреций, характеризуя нравы периода гражданских войн (Cat., 64, 309—310; Lucr., De rer. nat. III, 73—75). Аппиан подтверждает реальность этих фактов конкретными примерами, взятыми из живой истории (IV, 5).

⁷ Pöschl. Op. cit., S. 30—31.

⁸ Aeneis Buch VI erklärt von E. Norden. Lpz, 1903, S. 312—320.

Вероломство патронов по отношению к клиентам также не столько традиционно мифологический, сколько актуально исторический факт, подчерпнутый из того же, еще свежего в памяти недавнего прошлого. Оттуда же взяты и примеры нечестивого участия в несправедливых войнах и измены своим господам. Речь идет, по-видимому, об использовании рабов (своих и чужих) борющимися сторонами в ходе гражданских войн и, в частности, Секстом Помпеем, войну с которым упоминает в своих «Деяниях» Август: *Mare rasavi a praedonibus. Eo bello servorum qui fugerant a dominis suis et arma contra rem publicam ceperant triginta fere millia capta dominis ad supplicium sumendum tradidi* (RgDA 25, 1). Однако этот факт можно трактовать и более широко. Ведь и Турн в «Энеиде», ложно поняв веление судьбы, повел нечестивую войну с Энеем и понес за это заслуженную кару. Очевидно, Вергилий имеет здесь в виду всех тех, кто слепо следовал за вождями, ведшими несправедливые войны.

Среди заключенных в Тартаре упомянуты и те, кто предавал отчизну за золото и менял за плату законы: *fixit leges pretio atque refixit* (VI, 621—623). И здесь рассказ Аппиана (В. с. II, 95; 97; I, 98) позволяет нам думать, что Вергилий имеет в виду конкретные факты периода гражданских войн. Диктаторы и триумвиры, по его словам, произвольно обращались с законами. Сервий же считает возможным предположить, что поэт имел здесь в виду совершенно конкретное лицо — Антония: *Possumus Antonium accipere secundum Cicerone in Philippicis, ubi ait leges refixisti*⁹. И действительно, Цицерон порицает Антония за произвольное обращение с законами, употребляя выражение *leges (tabulas) figere* (Philipp, 2,92; 97; 5,12; 12,12; 13,5). Макробий же цитирует по этому поводу строчку из поэмы Вария «De morte»: *vendidit hic Latium populis agrosque Quiritum eripuit fixit leges pretio atque refixit* (Macrob. VI, 1, 11). Возможно, что и здесь речь идет именно об Антонии. Однако Вергилий избегает употребления имен, цитируя строку из поэмы своего друга, чтобы отдать ему дань уважения. Существенно важно, что нравственные преступления недавнего прошлого автор «Энеиды» приравнивает к традиционно мифологическим проступкам, придавая им тем самым общечеловеческий смысл.

В Елисейских полях Анхиз знакомит Энея с будущей судьбой его потомков, души которых готовятся к земному воплощению. И здесь выбор героев сделан с определенной, важной для Вергилия точки зрения. Сначала перечисляются цари Альбы до Ромула. Все они — италийцы, отмеченные инсигниями, представленные как своего рода *imagines* (изображения), наподобие тех, которые украсили несколько позже галерею триумфаторов, созданную Августом у храма Марсу Мстителю. Эти герои отдаленного прошлого прославились не только воинскими подвигами, но и мирными трудами. Они основали древние города: Габии, Номент, Фидены, Помеций, Кастр Инуя, Болу и Кору. Эти старинные города сабиняц, вольсков, эквов и рутулов лежали во время жизни Вергилия в пустыни (Horat., Ep. I, 11, 7), но поэт, исполненный италийского патриотизма, как бы стремится воскресить их славное прошлое. Особое место среди древних царей отведено Ромулу. Древняя Рома после него как плодovitая богиня Кибела, станет гордиться великими мужами, прижимая к груди сотню внуков, будущих небожителей (VI, 784—788). Именно Кибела славилась в античности своим плодородием и как бы олицетворяла, по Варрону, весь *orbis terrarum* (August., De civ. dei VII, 24). Для римлян она имела еще особое значение, важное ввиду их тройского происхождения. Среди ее внуков несомненно находился и Цезарь, и Август, ведь именно в Риме, по мнению Вергилия, должно родиться

⁹ Ibid., S. 224.

поколение, которое сравнивается в своей мощи с богами (*super ire deos*) и этим превзойдет все другие народы, в том числе и греков.

Согласно официальной идеологии Август был новым Ромулом, сотером и основателем нового века. Поэтому, минуя целый исторический период, Вергилий прямо от Ромула переходит к Августу. Э. Норден убедительно показал, что в части, посвященной Августу, Вергилий строго следует топосу царского прославления *ἐγκομιὸν βασιλέως*¹⁰. При этом поэт придерживается риторической схемы речей в честь Александра Македонского. В свасории Сенеки Старшего на тему: *Deliberat Alexander, an Oceanum naviget* (Suas.1) декламаторы обращаются к Александру с сентенциями вроде: «удовольствуйся тем, что ты победил на всем пространстве, освещаемом солнцем» (1), «твой мир зовет тебя назад» (2). У Вергилия Август проникает еще дальше в неизведанный мир, чем Александр. Он оставляет позади себя пределы созвездий и пути солнца (795—796). Вероятно, поэт имеет в виду покорение Эфиопии и Мероэ и победы над гарамантами. О сарматах и гелонах, упоминаемых здесь Вергилием, пишет в своих «Деяниях» и сам Август (RgDA 5, 51). Известно, что принцепс высоко чтит Александра, долго пользовался печатью с его изображением, оказал, находясь в Александрии, высокие почести его праху (Suet., Aug. 17, 4, 5). Вергилий хочет представить Августа своего рода продолжателем дела Александра. Римский принцепс стремится у него создать великое объединение разнородных племен и народностей и приобщить их к высокой государственности и идеальной нравственности великого Рима. Так и сам Эней объединяет италийцев вокруг троянцев, несущих в Италию особое благочестие.

Древние цари после Ромула уже отнюдь не идеальные фигуры. Как Платон, Вергилий считает, по-видимому, что монархия может вырождаться в тиранию: Анк Марций слишком чувствителен к благосклонности народа, а Тарквиний — типичный тиран, приводящий царскую власть к катастрофе. Брут, олицетворяющий у Вергилия силы *libertatis*, — гордец, приговаривающий собственных сыновей к казни из любви к свободе и жажды славы. Именно эксцессы чрезмерного славолубия порицал Платон, видя в них причину превращения аристократической монархии в тимократию (Rep. 550a сл.). Все это свидетельствует о том, что Вергилий глубоко задумывается в это время над проблемами совершенного государственного строя и качествами, необходимыми государственному деятелю.

Республиканскому периоду уделено сравнительно мало места. Особое внимание привлекают фигуры Помпея и Цезаря, которых поэт не называет по имени, выразительно характеризуя их как «тестя» и «зятя». Анхиз сожалеет о той кровавой расправе, которую они затеют на земле (*heu quantum inter se bellum, si lumina vitae attigerint quantas acies stragemque ciebunt* (828—830). Анхиз здесь даже прямо обращается к своим будущим потомкам:

Не приучайте свой дух, о дети, к распрям подобным,
Не обращайтесь на родины сердце вы силы отчизны.
Ты, прежде всех, прекрати, свой род ведущий с Олимпа,
Брось оружие из рук, о кровь моя!

(832—835)

Это — одно из немногих мест поэмы, где Вергилий открыто дает оценку конкретным историческим лицам недавнего прошлого, в том числе Юлия Цезаря. Поэт читал принцепсу II, IV и VI книги «Энеиды», и слова эти,

¹⁰ Ibid., S. 315 f.

несомненно, были обращены к самому Августу и должны были служить ему, жестокому триумвиру, предостережением и напоминанием. Хотя на самом деле принципату предшествовало время политических распрей и гражданских войн, Вергилий изменяет историческую перспективу, отбирая материал так, что именно древняя, а не современная история республиканского Рима продолжает нравственные идеалы, выдвинутые в мифологической части. За Помпеем и Цезарем, сеятелями междоусобной войны, следует у него Л. Муммий, одержавший победу над Коринфом и якобы разрушивший Аргос и Микены Агамемнона. Тем самым он отмстил за троянских предков и за осквернение храма Минервы (839—840). Затем упоминаются победитель самнитов Косс и отец Гракхов, элогия которого стояла на формуле Августа, Сципион — победитель Ливии, принадлежавшей некогда Дидоне. В конце говорится о выдающихся государственных деятелях, прославившихся своей бедностью и бескорыстием: Фабриции и Серране. Серрану объявили о том, что он избран консулом в то время, когда он сеял на своем поле (Плиний пишет: *serentem invenerunt dati honores* — NH, XVIII, 3, 20). Оба эти консула выполняют заветы Эвандра, призывавшего некогда Энея довольствоваться малым и презирать богатство (VIII, 362—365). Заканчивается смотр душ Фабием Максимом. Вергилий цитирует здесь знаменитую строку из «Анналов» Эния: *unus qui nobis cunctando restituit rem* (VI, 845 sq.). «Медлительность», свойственная Фабию Максиму, выдвинута здесь на первый план, потому что она особо ценилась Вергилием у государственного деятеля. В отличие от вечно спешащего и действующего под влиянием своих аффектов Турна, Эней всегда глубоко обдумывает свои решения. Знаменитое сравнение между собою греков и римлян, завершающее смотр душ, как бы логически вытекает из предыдущего изложения. Греки создают совершенные произведения искусства, измеряют пути созвездий и движение небесного свода, а римляне, из среды которых выходят столь высоко-нравственные и мудрые вожди, призваны господствовать над народами: *parcere subjectis et debellare superbos* (852—853). К своему высокому порядку Рим должен, согласно Вергилию, приобщить весь обитаемый мир. О том, что в области нравственности римляне превосходят греков, не раз писал и Цицерон (*ut virtutis a nostris sic doctrinae ab illis (Graecis) exempla petenda sunt* — *De orat.* III, 137; *mores nos profecto melius tuemur* — *Tuscul.* I, 2). Суждение Вергилия отражает, по-видимому, распространенную у римлян точку зрения. Эней, воюя, вопреки воле судьбы, с нарушившими договор латинами, считает, что его задача также состоит в том, чтобы смирить войною гордецов. В известной степени точка зрения Вергилия на период Ранней республики отвечала «официальной идеологии» принципата. Август, как известно, считал себя восстановителем нравов республиканского Рима и украсил свой форум бюстами крупнейших полководцев и государственных деятелей этого периода.

Эпитафия в честь племянника Августа Марцелла, умершего в двадцатилетнем возрасте в 23 г. до н. э., заключает эпизод «смотра душ». Его судьба напоминает судьбу юных героев мифологической древности: Ниса, Евриала, Палланта и Лавса, также погибших в расцвете сил по воле жестокой судьбы. Эней назвал тщетными (*vanae*) те почести, которые воздают их праху, так же считает и Анхиз, устилающий дорогу Марцеллу пурпурными лилиями (*inane munere fungar* — 885—886). В смерти Марцелла Вергилий видит проявление глубокого трагизма жизни, о котором он постоянно скорбит в «Энеиде». Особое положение, занимаемое Августом в государстве, не может избавить его от этого трагизма. Анхиз не скрывает от Энея, что и герои отдаленного будущего, казалось бы столь светлого, будут испытывать те же удары судьбы, что и живущие в легендар-

ном прошлом. Это будет происходить, несмотря на то что в Лаций вернется при Августе Золотой век. Следовательно, далеко не все вопросы человеческого существования могут быть разрешены прищипатом, и мировоззрение Вергилия в сущности глубоко пессимистично.

Сцены из римской истории представлены и на щите Энея. Оружие это, изготовленное Вулканом, излучает яркий свет, броня же зловещего багрового цвета напоминает грозовую тучу, подсвеченную солнцем. Сравнение, как это часто бывает у Вергилия, содержит указание на будущее. Оружие Энея принесет гибель врагам, устрояя их в грядущих сражениях (VIII, 615—625). Полна значительности и вся сцена появления доспехов перед изумленным Эвандром и его приближенными. Оружие возникает внезапно на небе в просвете туч, раздаётся грохот металла, и один Эней в этот момент понимает смысл божественного знамения, которое он называет *portentum*. Он объясняет присутствующим, что это олимпийские боги требуют от него решительных действий (532—534). Однако его не радует этот призыв, напротив, Эней горюет о том, сколько несчастий принесет грядущая битва его противникам лаврентам (539—540). Всякая война, с точки зрения Вергилия, дело жестокое и антибожественное¹¹.

Особое внимание поэта привлекает щит Энея, на котором изображены различные эпизоды римской истории. При этом, однако, подробного описания памятника в сущности не дается. Автор обращается к воображению читателя, которое должно дополнить и дорисовать картины, нарисованные лишь отдельными штрихами.

На щите, по словам поэта, были изображены деяния италийцев и великие триумфы римлян (VIII, 626—627). Возникший на италийской основе Рим обогатит историю именно своими триумфами, подчиняя себе постепенно весь *orbis terrarum*. Начинается серия изображений картиной кормящей Ромула и Рема волчицы. При этом именно живописные подробности выдвинуты на первый план: изогнутая шея зверя, лижущего младенцев, их позы, движения всей группы. Чудо мира между хищным животным и будущим основателем Рима должно, по-видимому, свидетельствовать об обуздании демонических сил, которое произойдет в отдаленном будущем. Это торжество мира будет показано и в заключительной картине триумфа Августа, изображенной в центре щита, после Акциумской битвы. Тема эта была центральной и для всей поэмы в целом.

Во вступительных строках сказано, что на щите показаны все войны «друг за другом» (629), но на самом деле поэт демонстрирует лишь отдельные эпизоды. О похищении сабинянок, например, сказано очень кратко. Само действие совсем не показано, а живописные подробности уснащают торжественную сцену заключения мира. Тут упомянуты и блистающие чаши, и парадное жертвоприношение, и внешний вид заключающих союз царей. Эта картина напоминает заключение мира между латинами и троянцами в XII книге. Очевидно, Вергилию важно было лишь бегло указать, что женщины будут причиной войн и в отдаленном будущем, а войны будут сменяться миром до тех пор, пока в правление Августа не воцарится вечный мир на земле. До этого долгожданного времени мир будет непрочен и всегда возможны вероломные козни нарушителей данного слова. Так, Толумвий попирает договор между латинами и троянцами в XII книге, а Метт так же поступает уже в историческое время, и казнь его заключается картина мира между царями. Живописные подробности, тщательно отбираемые Вергилием, несут у него особую смысловую нагрузку. Рассказ о Метте копчается своеобразным живописным

¹¹ *Fonaioli J. Virgilio, poeta della pace.— Studi di letteratura antica, v. II, 1948, p. 1.*

штрихом, своего рода заключительным аккордом: упоминанием о кустах терновника, краснеющих от капель крови растерзанного конями Метта. Кратко сказано и об этрусских царях, напоминающих тирана Мезенция, а подвиги свободолюбивых римлян даны сквозь призму отношения к ним жестокого Порсенны, на лице которого отражается гнев и негодование на Клелию и Коклеса. Лаконичный и целеустремленный стиль парадных памятников римского классицизма, воспроизводимый Вергилием, помогает ему заострять и обобщать главные мысли, как это делали и авторы выдающихся произведений изобразительного искусства века Августа, например создатели знаменитого Алтаря Мира или статуи из Прима Порты.

Главным украшением внешнего ряда изображений на щите была картина нашествия галлов. Чекая картину варварского наступления, Вулкан использовал драгоценные металлы: серебро и золото. В центре внимания поэта — не битва, а внешний вид галльских воинов: золотые волосы и золотая одежда, полосатые плащи, ожерелья. Весь этот блеск отчетливо выделяется на темном фоне, так как вероломные галлы наступают на Рим под покровом ночи, как в свое время и греки на Трои. Непосредственно за нашествием галлов сразу же следует картина празднования победы. Она нарисована без излишних подробностей, поэт и здесь отбирает только отдельные штрихи, многие из которых взяты из репертуара римских рельефов и стенных картин. Таковы, например, атрибуты фламинов — их шерстяные повязки, упавшие с неба щиты, повозки, в которых везут святыни непорочные матери. Крупным планом показаны пляшущие луперки и салии, т. е. участники тех жреческих коллегий, которые были восстановлены Августом. Республиканский период заключается показом потустороннего мира: в Тартаре томится на скале нарушитель гармонии и порядка Катилина, среди праведных вершит суд Катон (668—670). Поэт обходит молчанием гражданские войны и смуты конца республики, на щите Энея они даны лишь в итоге, в своего рода обобщении. Любопытно, что Катон у Саллюстия порицает Цезаря за то, что тот считает вымыслом рассказы о наказаниях, которые преступники терпят после смерти (Cat. 52, 13; 17). У Вергилия Катон как бы становится свидетелем справедливости своих прежних предположений об устройстве царства мертвых. Катон был своего рода образцом настоящего римлянина не только для Саллюстия, но и для Горация (Od. III, 3, 1—5). Вергилий разделяет эту точку зрения. В одном из знаменитых художественных сравнений в начале «Энеиды», по наблюдениям исследователей, дань уважения отдается именно Катону Младшему. Нептун, умиротворяющий волнение моря, сравнивается с государственным деятелем, «благочестивым и имеющим много заслуг перед государством», который в миг, когда возбужденная толпа бросает камни и факелы, умиротворяет ее своей мудрой и спокойной речью (I, 148). Ученые обычно считают, что Вергилий дает здесь образ Катона Утического, в 54 г. в аналогичной ситуации умиротворившего бушующую толпу¹². Однако, как справедливо указывает В. Пёшль, исторический материал поднят здесь в высокую сферу мифа. В образе *princeps rei publicae*, выступающем в роли умиротворителя народной массы, дана инкарнация идеи порядка, преодолевающего хаос¹³. Порядок и гармония будут торжествовать окончательную победу во время правления Августа, и уже в начале поэмы автор как бы приоткрывает перед читателями завесу над далеким будущим. Поэт пользуется своего рода метафорами, заимствованными из круга представлений и из римской истории.

¹² *Plut.*, Cato minor, 94; *Conway R. S.* Poesia ed impero.— Conferenze Virgiliane, Mailand, 1939, p. 27; *Pöschl.* Op. cit., S. 35.

¹³ *Pöschl.* Op. cit., S. 36.

Война и мир изображается на щите Энея в ритме *crescendo*. Нашествие галлов показано подробнее, чем ранние войны Рима, празднование победы над галлами богаче деталями, чем союз царей после похищения сабинянок. Поэт постепенно подводит читателя к избыточной красками и занимающей середину щита картине Акцииумской битвы. Вначале дается образ широко пенящегося моря, золотого, с лазурной пеной и серебряными дельфинами, разрезающими пучину. Как показал в своих исследованиях К. Шефольд, морская стихия с ее обитателями символизировала в искусстве идею бессмертия и часто изображалась на рельефах и стеновых картинах¹⁴. Самого Августа принято было характеризовать в это время не только как властителя Ойкумены, но и как владыку *γῆς καὶ θαλάσσης*¹⁵. Именно поэтому стихия моря, благоприятствующая победе, изображена на первом плане с особой красочностью. Далее показаны несколько последовательных этапов сражения. Сначала корабли враждующих сторон еще только появляются перед зрителями. Битва еще не началась. В центре — корабль Августа, на котором собраны все силы Рима: сенат, народ, Пенаты и римские боги. Вокруг головы принцепса рдеет божественный пламень (VIII, 678—681). Такой же печатью расположения богов был отмечен и Эней, подплывший на корабле к осажденному рутулами троянскому лагерю (X, 270—272). Другим отрядом командует увенчанный венцом Агриппа (VIII, 682—684). Об Антонии, возглавляющем варварскую рать, упомянуто вскользь. Главное внимание привлекает Клеопатра, с появлением которой сразу же начинается бой. Огромные корабли напоминают оторвавшиеся Киклады, нивы Нептуна краснеют от крови, летят кошья и горящая пакля. Однако исход боя уже предрешен, хотя царица, против всех нравственных норм участвующая в сражении, еще не замечает смертельных змей, появляющихся за ее спиной. Атрибуты, которыми снабжены действующие лица, как и символика деталей на официальных памятниках римского классицизма, например на щите из Прима-Порты, призваны интерпретировать происходящее. Против сил порядка и гармонии выступает здесь варварская стихия, представленная богами-чудищами (*monstra*), а в самый напряженный момент боя появляются яростный Марс, мрачные Диры, непременные участницы сражений и в мифологической части поэмы, бледная Дискордия и Беллона с окровавленным мечом. Все эти божества появляются в последний раз в этом заключающем историю решающем сражении и исчезают при появлении спящего Аполлона Актийского, внезапно возникающего перед зрителями. Вражеские корабли поспешно уплывают, а сама царица, бледная от предстоящей смерти, устремляется в объятия призывающей ее реки Нила.

До Вергилия Акцииумская битва была воспета Проперцием (IV, 6). Аполлон, внезапно появляющийся у него за кормой корабля Августа, произносит целую речь, в которой прославляет принцепса как властелина земли и моря. Египетский флот направляется в бой против желания волн (48). После победы, одержанной с помощью Аполлона, все морские боги рукоплещут победителю, окружив его корабль (63—64). У Проперция, как и у Вергилия, Август подчиняет себе лазурную стихию моря, как бы помогающую ему в битве.

Заканчиваются картины на щите изображением тройного триумфа Августа. Принцепс сидит на блистающем пороге храма Аполлона Палатинского и принимает дары от различных племен, прикрепляя их к дверям храма. Перечисление проходящих перед ним народностей построено в оп-

¹⁴ *Schefold K.* Pompejanische Malerei. B., 1952, S. 38.

¹⁵ *Marcien L.* L'interprétation de la Bataille d'Actium par les poètes Latins de l'époque Augusteene. — Les études classiques, v. XXIV, 1956, p. 34.

ределенном, далеко не случайном порядке. Сначала говорится о номадах и афрах, тех самых, вечную вражду с которыми некогда обещала Риму Дидона (724). Теперь эти племена уже не смогут грозить войной. Затем перечисляются народности далекой Скифии, морины, а кончается перечисление народами особенно «дикими и неукротимыми»: дагами и обитающими у неистового Аракса армянами. Весь этот пестрый варварский мир, с которым связано представление о хаосе, беспорядке и дикой ярости, подчиняется здесь упорядочивающему и гармонизирующему влиянию Рима. Храм Аполлона, на пороге которого восседает Август, был окончен в 28 г. до н. э., а Аквиумская победа праздновалась в 29 г., когда храм еще не был построен. Впоследствии к нему примыкала библиотека, в храме стояла статуя Аполлона Кифареда, а перед храмом — Аполлона Актийского. Один и тот же бог выступал здесь как покровитель Августа и как патрон мирных поэтов. Именно это единение муз и государственной власти оттенил и Проперций в своей элегии (69—70). В храме были собраны замечательные произведения искусства, статуи божеств принадлежали знаменитым греческим скульпторам: Лисиппу, Скопасу, Кефисодоту, Тимомаху, Праксителю (Геракл, Аполлон, Латоа, Ниобиды), храм украшали прекрасные канделябры, в нем хранилось собрание драгоценных блюд, гемм и камней¹⁶. Культура и искусство, атрибуты которых — писчие дощечки, палочки, образы Муз — постоянно изображаются на погребальных памятниках этого времени и как бы приобщают умерших к высокому существованию¹⁷, получили в этом храме своеобразный центр.

Это был храм мира и высоких умственных занятий, ставших возможными после Аквиумской победы. Он символизирует у Вергилия не только победу при Акции, но и мировое значение римской *humanitas* и культуры. Именно поэтому Вергилий локализирует триумф Августа у храма Аполлона. Покровительство литературе и культуре характерно для всей политики Августа и диктуется ему высокой ролью умственных занятий, столь характерной для античного мировосприятия. Однако грозный бог Марс, который не менее почитался Августом, назван в «Георгиках» *impius* (нечестивый), и он никогда не наделяется у Вергилия положительными чертами. Никогда не упоминается в поэме и круглый храм Марсу Мстителю, всегда обходится молчанием *pietas* Августа по отношению к Юлию Цезарю и сражение при Филиппах. Это свидетельствует о том, что далеко не все стороны деятельности Августа принимались и приветствовались поэтом. Вергилий дорожил мыслью об особом характере мирового господства Рима, преобразовавшего, с его точки зрения, варварский мир в высокогуманное объединение людей. Эней, поднимая на плечи щит, выкованный Вулканом, берет на себя ответственность за претворение в жизнь этих высоких идеалов (*attollens umero famamque et fata nepotum* — VIII, 731).

II. ТУРН И ЭНЕЙ

Вторую часть своей поэмы Вергилий считал более важной и значительной, чем первую. Он говорит во вступлении к ней, что будет воспевать более великие деяния, заслуживающие более серьезного труда, чем начало поэмы (VII, 40—45). Центральными фигурами второй части, важными для понимания сокровенной проблематики поэмы, являются Эней и Турн. Ни тот ни другой образ не раскрыты еще с достаточной полнотой в современном вергилиеведении. В течение многих лет считалось, что Турн —

¹⁶ Colini M. Il tempio di Apollo. Roma, 1940, p. 13—14; Lanciani R. Ancient Rome in the Light of Recent Discoveries. L., 1909, p. 113—116.

¹⁷ Schefold. Op. cit., S. 42—49.

сугубо отрицательный персонаж. В. Элерс и до сих пор утверждает, что Вергилий пользуется красками политической палитры, называя героя: *audax, superbus, violentus, perfidus*. Турн руководствуется в своих действиях *sua cupiditate, non utilitate communi* (Cic., off. I, 63)¹⁸. Элерсу справедливо возражает В. Пёшль, считающий Турна трагической фигурой, не лишенной благородства¹⁹. Существенно здесь то обстоятельство, что в образах Турна и Энея Вергилий раскрывает главные черты, присутствующие италийским аборигенам и троянским пришельцам. Из соединения этих элементов рождается, по Вергилию, новое историческое целое — древний Рим. И если на щите Энея Август приобщает диких варваров к римской *humanitas*, то в древности троянский пришелец Эней принес в Италию к доблестным, но грубым италийцам высокие начала *pietas, humanitas, magnitudo animi*, положив тем самым начало великому будущему.

Первая встреча читателя с Турном происходит глубокой ночью. Во сне Турну является фурия Алектто под видом жрицы Калибы и подстрекает его к войне с троянскими пришельцами. Турн отвергает ее советы, и тогда, приняв внезапно свой настоящий облик, она жжет его факелом, возбуждая к кровавой брани (VII, 414 сл.). Действующий под влиянием сил преисподней Турн по природе своей прекрасен, смел и юн (VII, 473), поэт даже называет его самым прекрасным из италиков (VII, 650). С античной точки зрения красота души и тела свидетельствует об особой доблести героя. Эта характеристика Турна противоречит мнению Элерса. В заблуждение юного героя вводят боги, и прежде всего его покровительница Юнона. Перед тем как напасть на лагерь троянцев, Турн видит вестницу богов Ириду и следует ее приказу. У него нет оснований сомневаться в истинности божественных указаний. С появлением Ириды воздух становится необычайно ясным, Турн видит в этот момент, как звезды движутся по небесной тверди, и готов следовать за несомненной волей богов (IX, 20—22). Не его вина в том, что боги направляют его к ложной цели. Трагизм смертного состоит, по мнению Вергилия, в том, что он вынужден следовать велениям богов и сам не всегда может разобраться в истинных и ложных целях, в определении добра и зла. По воле Юноны и Алектто Турн становится в поэме инкарнацией *furor impius* (нечестивой ярости). Он сравнивается с самим богом войны Марсом, свирепствующим у Гебра, сверкающим очами и погоняющим бешеных коней. Под их копытами дрожит земля, рядом с богом мчатся Ужас, Гнев и Козни, кровавые брызги летят вокруг (XII, 331—340). Турн крайне жесток в бою и может сравниться в этом отношении только с этрусским тираном Мезенцием. Турн наносит врагам страшные, варварские раны: отрубает головы и привязывает их к своей колеснице, раскалывает черепа, вонзает копы в живот и т. п. Уже в первом сражении за Троянский лагерь он проявляет неистовую жажду крови: ранит Антифата в живот (IX, 695—697), ударяет Пандара так, что голова его раскалывается на две части (740—755), отрубает голову Линкею (770—771). Когда у лагеря появляется Эней, то Турн подстрекает своих к бою, а убив Палланта, попирает ногами убитого и снимает с него перевязь (X, 496—497). После того как договор между италийцами и троянцами был нарушен, Турн произносит издевательские речи (XII, 354—361), отрубает Фегею голову (380—382), вешает на колес-

¹⁸ Ehlers W. Turnus.— RE, V. VII A, Sp. 1409 f; Heinze R. Virgils Epische Technik. Lpz.—В., 1908, S. 209 f. Некоторые ученые предлагают сравнить Турна с героем «Махабхараты» Дурьйодханой и думают, что Вергилию была известна эта поэма по греческому александрийскому переводу. Однако этот вопрос нуждается в тщательном исследовании (ср. Duckworth. Turnus and Duryodhana.— ТАРА, v. XLII, 1961, p. 81).

¹⁹ Pöschl. Op. cit., S. 172.

ницу головы Амика и Диора (508—510), вонзает меч в голову Гиллу (535—537). Когда неизбежность поединка с Энеем становится ясной и герой готов, наконец, подчиниться велениям рока, то даже в этот момент он просит Ютурну дать ему возможность «еще покипеть этим гневом» и продлить свой варварский бой (680). На совете у Латина, нападая на трусливого оратора Дранка, вождь рутулов утверждает, что благодаря его доблести Тибр наводнен троянской кровью и тысячи воинов убиты его рукой, рукой Турна (XI, 392—397). Обилие натуралистических подробностей при описании ран и смертей свойственно «Илиаде» Гомера. Исследователи подметили разные стилистические и изобразительные нюансы в этих гомеровских описаниях²⁰. В «Илиаде», однако, нет характеристики индивидуальной манеры сражаться отдельных героев. Только Гектору, пожалуй, не свойственно жесткое варварское начало. У Вергилия же при помощи натуралистического стиля Гомера раскрываются существенные черты могучей, но еще варварской природы вождя рутулов. С этой точки зрения интересен и комплекс художественных сравнений, характеризующих Турна. Он сравнивается с волком (IX, 59), орлом или волком (IX, 563 сл.), тигром (IX, 730), львом (IX, 792; X, 454; XII, 4), конем (XI, 492), быком (XII, 103), Марсом (XII, 333), Борею (XII, 365), падающим камнем (XII, 648). Часто сравниваемый с хищными животными герой вместе с тем обладает и италийской *virtus*. Он готов от позора покинуть жизнь самоубийством в отчаянии, когда Юнона вынуждает его покинуть поле боя (X, 668—685); выступая на совете у царя Латина, он говорит, что только тот достоин славы, кто падает мертвым на родную землю, чтобы не видеть ее захвата врагами (XI, 417—418). Это сочетание *virtus* с жестокостью, суровостью и варварством характерно и для других италийских героев. Перечисляя вождей, шествующих со своими отрядами на брань под предводительством Турна, Вергилий оттеняет в них черты типичных *populi feroces*. Корант и Катилл сравниваются с громадными и дикими кентаврами. Царь Пренесты, суровый Кекул, был даже найден младенцем среди стад и ныне ведет сельское ополчение. Далеко не все воины имеют оружие, некоторые несут комья свинца и носят шлемы, сделанные из волчьей шкуры. *Mille feroces populi* сопровождают Галеса, а Уфента окружает *horrida gens*, привыкшая к охоте и пахущая землю вооруженной. Сам Турн выделяется среди всех огромным ростом, и Химера на его племе выдыхает этнейское пламя (VII, 641—787). Характеристика италийских аборигенов дана и в речи Нумана, издевающегося над изнеженностью троянцев. Италийцы, по его словам, закаляют новорожденных в ледяных реках, юноши умеют укрощать коней и метать стрелы, они довольствуются малым, обрабатывая землю мотыгами. Старики покрывают шлемом свою седину, и все племя постоянно воюет и живет грабежом (VIII, 598—620). Эта первобытная сила, мощь италийских племен явится той основой, на которой вырастет, по словам Юноны, будущий Рим:

Sit Latium, sint Albani per saecula reges,

Sit Romana potens Italae virtute propago...

(XII, 826—827)

Проблема взаимоотношения италийцев и римлян была чрезвычайно актуальной в период августовского принципата. Известно, что принцепс опирался на Италию в своей борьбе с Антонием, что он субсидировал постройку дорог и водопроводов, широко привлекал италийцев к занятию магистратур. Возможно, что и на знаменитом Алтаре Мира в виде кормящей

²⁰ Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960, с. 145 сл.; Riemschneider M. Homer. Entwicklung und Stil. Lpz., 1952, с. 99—105.

матери изображена именно Италия. По сравнению с Турном Эней — герой более высокого ранга — благочестием он превосходит знаменитых гомеровских богатырей (*hic pietate prior* — XI, 292). В отличие от Турна он выступает в бой только по необходимости и постоянно предлагает италийцам мирное решение спора. Вступая в первый раз в сражение, он ищет Турна, чтобы отомстить ему за смерть Палланта. В то время как Турн попирает ногами тело юноши и снимает с него перевязь, Эней, убив Лавза, защищавшего своего отца Мезенция, любуется доблестью юного героя и отдает его тело латинянам для почетного погребения (X, 825—830). Он не кичится военными подвигами и постоянно горюет о трагической стороне войны с италийцами. Вергилий называет Энея *bonus Aeneas* (XI, 105—110). С глубокой печалью провожает герой тело Палланта и выпущен вернуться вновь к гибельным сражениям (XI, 96—100). Достойно удивления поведение Энея в момент, когда латиняне вероломно нарушают только что установленный мир. Картина заключения этого мира полна торжественности и праздничности. Царь Латин выезжает на колеснице, запряженной белоснежными конями, в венце из золотых лучей. Эней же шествует со своим звездным щитом в сопровождении Аскания. Сдержанны тона, скупость и строгость картины выступающих троянских вождей напоминает, по мнению В. Пёшля, знаменитые изображения праздничной процессии на Алтаре Мира. *Foedus* заключается на глазах обеих ратей и мирных жителей, но неожиданно в ход событий вмешивается Юнона, подстрекающая к нарушению мира Ютурну. Неправильно истолковавший знамение Толумний первый бросает копье в троянцев, и, опрокинув алтарь, италийцы вступают в бой. В этот момент благочестивый Эней, простирая безоружные руки, с обнаженной головой взывает к окружающим, прося их соблюдать священный договор (XII, 311—320). Он выступает здесь носителем высокого нравственного начала, той римской *pietas* и *religio*, которые и должны, в конце концов, облагородить и очеловечить еще варварский мир сильного и мужественного италийского племени, во главе которого он, наконец, станет. Однако достижение цели дается Энею путем многих лишений и страданий. В. Пёшль справедливо заметил, что Вергилий решает в поэме вопрос о том, какой ценой достигается величие истории²¹. Эней должен был отказаться от личного счастья во имя своей исторической миссии. Он был почти готов, как Антоний, погрузиться в мир восточной роскоши, понав в Карфаген к царице Дидоне²², но отказался от любви, следуя воле богов. Под градом упреков Дидоны он стоял, как могучий дуб, колеблемый бурными альпийскими ветрами, но душа его оставалась непоколебимой (IV, 441—449). Он даже не мог утешить Дидону, проявив к ней ту *humanitas*, которая была ему в высокой степени свойственна. Эней с горечью утверждает, что живет, проходя через безмерные страдания: *vivo... vitamque extrema per omnia ducio* (III, 315). Несмотря на свое душевное беспокойство, он убеждает спутников надеяться на счастливые времена (*Durate et vosmet rebus servatis secundis* — I, 207). В этом он проявляет то качество, которое римляне называли *magnum animi*. Если многие государственные деятели Рима стремились расположить к себе богиню успеха и счастья и гордились своим прозвищем *felix* (например, Сулла), то раненый Эней говорит сыну:

*disce, puer, virtutem ex me verumque laborem,
fortunam ex aliis*

(XII, 435)

²¹ Pöschl. Op. cit., S. 64—66.

²² Ibid., S. 96—97.

В конце концов он вступает в желанное единоборство с Турном и сравнивается с ликующей вершиной белоснежной горы, поднимающейся к небу (XII, 701—704). Но поэма кончается скорбными строчками о том, как душа Турна с негодующим стоном отлетает к теням. Вергилий не показал торжества Энея и радости победы. Битва в Италии шла вразрез с решением судьбы и не была справедливой войной. Эней вел ее против своего желания. Он не вступал в сражение первым, а только отвечал каждый раз на нападение (*poscant acies et foedera ruptum*, — говорил он об италиках — VIII, 540). Вергилий всегда остается поэтом мира, как прекрасно показал в своей работе Дж. Форайоли²³. Приобщение троянского Энея к будущему Риму происходит постепенно. После выхода из подземного царства, где Анхиз ввел его в новый круг истории, он попадает в окружение италийского пейзажа, и река Тибр несет его на своих волнах к Эвандру и семи холмам, на которых поднимется в будущем великий город. Эвандр приобщает Энея к римскому образу жизни, к простоте и воздержанию, в противоположность азиатской роскоши древней Трои (VIII, 364—365). Величие истории требует от героя многообразных жертв и подчинения высоким требованиям *pietas, humanitas, magnitudo animi*. В процессе скитаний и войн Эней преодолевает свои слабости, поднимаясь к высокому идеалу римского государственного деятеля, никогда не решающегося ни на один шаг без трезвого обдумывания, колебаний и прислушивания к воле богов. Эней и Турн олицетворяют в «Энеиде» два начала: италийское и троянское, из соединения которых образуется новое римское целое. Ему суждено, по Вергилию, бессмертие и вечная власть над миром, основанная на нравственном превосходстве. Поэма несомненно должна была давать «урок царям»²⁴, а не просто прославлять всемогущего Августа. Она глубока и полифонична и никак не может быть истолкована как политический манифест.

Н. В. Вулик

POETRY AND POLITICS IN VIRGIL'S AENEID

N. V. Vulikh

The author describes Virgil's poem as a polyphonic work containing much historical material. The poet's attitude to the principate was not simple; not all the princeps did met with his approval. Virgil was a convinced advocate of peace and a defender of high moral principles (*humanitas, magnitudo animi, pietas*) and from these positions the bloody vengeance taken by Augustus against the murderers of Caesar and his whole behaviour during the proscriptions could not be approved by the poet. Virgil's savage portrayals of battle scenes were intended as a «lesson to kings», including Augustus himself. But his «lessons» ranged wider than the heated issues of the moment. He points out that in the coming «golden age» of Augustus all mortals will be as vulnerable to the actions of tragic destructive forces as heroes were in the mythological past. Virgil thought that the Rome of his time, excelling all other states in the loftiness of its moral qualities, arose from a blending of the strong, valiant Italian tribe with the Trojans, whose high morality ennobled the aborigines. In this respect the characters of Aeneas and Turnus are of special interest, though on this question modern students disagree.

²³ Foraioli. Virgilio, poeta della pace, p. 1.

²⁴ Эту мысль высказал и Н. Ф. Дератани в статье «Вергилий и Август» (ВДИ, 1946, № 4, с. 74—75). Однако он ошибочно считал, что война Энея в Италии «патриотична» (с. 69).